

А Тарковский так не считал

Найдешь и у пророка слово,
Но слово лучше у немого,
И ярче краска у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.

Арсений Тарковский

Весной 1972 года я взяла документы из института. «Хвостов» у меня не было, а причин было много, и главной из причин, точнее та, которую я себе назначила главной, было намерение получить филологическое образование и как-то «оприходовать» свои стихи. А попросту «тогда», в отличие от «сейчас» предстояло прожить жизнь...

Несколько попыток поэтически «натурализоваться» пришлось на год после ухода из института. Недавно я наткнулась на свою запись, которая косвенно относится к первой из таких попыток. В результате мне пришлось провести нечто вроде расследования.

Отзыв

В 2007-м году я со своей старой (по времени нашего знакомства) приятельницей попала в «Галерею Актер», что на углу Тверской и Страстного бульвара.

Внутри торговой галереи обнаружилась галерея художественная с настоящими Полем Гогеном и Альфонсом Мухой.

Приятельница отозвалась на предложение зрителя оставить отзыв о выставке. И написала отзыв... от нас обеих.

Я спросила, как она меня в своем сочинении обозначила, и услышала в ответ:
– Я написала, что ты – поэт.

Я опешила и что-то пробормотала о своей самоидентификации. Гордо подняв голову и поглядывая на зрителя, приятельница произнесла:
– А Тарковский так не считал!

Я не сразу поняла, о чем речь:
– Какой Тарковский?
– Старший!

И здесь до меня дошло, что когда-то кому-то я рассказала эту историю из моей молодости...

Страстной бульвар

Время действия – год 1972-й, мне – 21 год. Место действия – библиотека имени Чехова на Страстном бульваре, недалеко от «Галереи Актер», в которой много лет спустя я услышала, что *Тарковский так не считал*.

Чеховская библиотека – первая запись в моей трудовой книжке. Библиотека была обычная, районная, но с традициями и интеллигентными библиотекарями.

Однажды заведующая объявила, что пригласила к нам поэта-«мандельштамовца». Я подготовилась: прочитала все, что могла найти в библиотеке, засела за чужую пишущую машинку; и на вечере вручила Тарковскому подборку своих стихов. Он сказал, что позвонит, но не позвонил.

Второй вечер не был запланирован, но Арсению Александровичу в библиотеке понравилось, и через какое-то время он привел к нам молодых поэтов, своих студийцев.

Я смогла установить только одну дату; скорее всего, она относится к первому, вечеру. На книге «Земле – земное» стоит авторский автограф:

«Алле Биндер – пожелание счастья. 28.11.72. А. Тарковский».

В этой книге до сих пор лежит бумажка с семизначным телефонным номером и четко написанной фамилией во множественном числе: *Тарковские*.

После второго вечера получилось спонтанное чтение стихов по кругу – поэты читали свои стихи, а библиотекари знали наизусть стихи чужие. Когда очередь дошла до меня, я прочитала два коротких стихотворения – Цветаевой («Вскрыла жилы. \ Неостановимо хлещет жизнь...»), и свое, начинающееся со слова «спастись».

Оба эти стихотворения в тот момент были «моими», но снаружи такое сближение могло показаться неуместным «акционизмом».

Удивительно, но Тарковский откликнулся! Когда все стали расходиться, он подошел ко мне, сказал, что не успел посмотреть мои стихи, и на той самой архивной бумажке написал свой телефон.

Я звонила несколько раз и каждый раз один и то же женский голос говорил, что Арсений Александрович подойти не может, что мне лучше перезвонить через... дальше называлось число или день недели. Я педантично звонила в указанные дни, пока не услышала громкое: «Ксюша! Опять эта Алла Биндерова. Сказать, что ты болен?».

Много позже я узнала, что женский голос назвал как бы находящегося поблизости Тарковского не «Ксюшей», как мне слышалось, а Арсюшей. А тогда по телефону гласная буква «а» потерялась, согласная «р» видоизменилась, и все вместе добавило мне маленькую многолетнюю травму. Я всегда вела дневники и ежедневники, но об этой истории я не записала ни слова.

Лишняя жизнь

Уже в своем «новейшем расследовании», я узнала, что Тарковский имел обыкновение называть личную жизнь «лишней жизнью». По телефону мне случилось говорить с его третьей женой, «лишняя жизнь» с которой продлилась больше сорока лет.

В год знакомства со своей будущей последней женой Тарковский написал:

Сладкое до боли
Головокруженье,
В омут чуждой воли
Душное паденье...

Превосходная и успешная переводчица с английского, энергичная светская дама, она была секретарем Тарковского, его шофером, редактором, издателем... Не в последнюю очередь благодаря ее усилиям в 1962 году, когда поэту исполнилось 55 лет, вышла в свет его первая книга. После смерти мужа Татьяна Озерская-Тарковская подготовила собрание его сочинений. В 1991 году, в последний год ее жизни, были изданы первые два тома собрания сочинений Арсения Тарковского; третий том вышел уже с фамилией составителя в траурной рамке.

Стихотворная строфа, в которой обозначен «омут чуждой воли» в собрании сочинений 1991 года есть. Эта строфа приведена в примечаниях.

Способ жить и умирать

Первый и единственный прижизненный сборник стихов Марии Петровых пришелся на ее 60-летие. Петровых и Тарковский были знакомы с молодости, с поступления на Высшие литературные курсы в 1925 году.

Через 54 года, выступая в ЦДЛ на вечере, посвященном памяти Марии Петровых, Тарковский сказал: «...стихи пишутся для того, чтобы их написать, а не для того, чтобы их читать или печатать... Вот для этого и существует поэзия...».

Знаменитая строчка «Умейте домолчаться до стихов» не случайна в творчестве Петровых. Молчание – сквозная тема ее лирики. Мне попалось исследование, в котором подсчитано, что «молчание» и однокоренные ему слова встречаются в примерно пятой части всего корпуса ее стихов.

Молчание бывает разным. В случае Марии Петровых молчание полифонично, если так можно сказать о молчании.

В молодости (я возвращаюсь к себе) я молчать не хотела. Я убедила себя в том, что у меня есть шанс. Но оказалось, что шанса не было – ни по жизни, ни по складу характера, ни по таланту.

Арсений Тарковский говорил (эта фраза мне попала совсем недавно), что «поэзия меньше всего – литература; это способ жить и умирать...». Про «умирать» в 1972 году я не думала, а вот на «способ жить» надеялась. Сейчас ситуация оказалась зеркальной: «способ жить» уже не так актуален, как «способ умирать».

Одно большое стихотворение

По поводу «домолчаться до стихов» я написала две строчки:

*Сумела домолчаться до стихов, –
Да так, что предпочтительней молчанье.*

У моего любимца Леца есть афоризм: «Поэты – попугаи, повторяющие невысказанное». Таким попугаем я не стала.

А молчание для меня предпочтительней вовсе не потому, что я следую китайской максиме: «Знающий не говорит, говорящий не знает»...

*Любой человек, который может напрямую
смотреть в глаза жизни – «незнающий».
Незнающий, который знает, что говорить не стоит.*

*Все поэты на разных языках
пишут одно большое стихотворение о жизни и смерти.
Отдельные стихи в это большое стихотворение не входят.*

*Все поэты пишут одно большое стих-отворение,
но оно ничего не открывает, и никуда не выводит.*

*В этом большом стихотворении нет ни стихов, ни слов, –
только поэзия, только молчание.*

А Тарковский так не считал. Он считал, что поэт – «гармонизатор мира».

Может быть, так и есть – хотя бы на время, пока звучит музыка, то есть поэзия, то есть молчание одного большого стихотворения.